

I.

ГЕНЕРАЛЬ И АДМИРАЛЬ ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЬ. ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

VI.

Возвращеніе Лефорты изъ Женевы.—Производство въ майоры и въ подполковники.—Кампанія противъ татаръ.—Участіе Лефорты въ первомъ крымскомъ походѣ и полученіе чина полковника.—Отношеніе Лефорты къ князю В. В. Голицыну.

Незадолго до кончины царя Теодора Алексѣевича, министр-резидентъ голландскихъ штатовъ доносилъ своему правительству: «Если его царское величество умретъ, отъ чего Боже сохрани Россію, то, по всей вѣроятности, произойдутъ великія перемѣны въ правленіи, и на престолъ вступитъ принцъ отъ втораго брака царя Алексѣя, *подающій большія надежды и весьма любимый*. Тогда былъ бы возвращенъ и знаменитый государственный канцлеръ Артемонъ Сергѣевичъ (Матвѣевъ), прежде столь цѣнимый и пользовавшійся высокимъ благоволеніемъ царицы-матери (Наталіи Кириловны)... Словомъ, въ самое скорое время совершится важный переворотъ, за которымъ послѣдуютъ другія, еще важнѣйшія событія».

Печальныя событія, случившіяся послѣ кончины царя Теодора, извѣстны. Лефорть возвратился изъ своего заграничнаго путешествія въ Нѣмецкую Слободу за два дня передъ тѣмъ, какъ были назначены оба князя Хованскіе. Это было, слѣдовательно, 19-го сентября. Хотя друзья и успокаивали его относительно всего происшедшаго въ его отсутствіе, однако онъ не могъ не тревожиться вопросомъ: что оставалось ему предпринять въ такое время, когда въ Москвѣ, вслѣдствіе бунта стрѣльцовъ, ниспровергнуты были и порядокъ, и законность? Въ отправление своихъ служебныхъ обязанностей Лефорть еще не вступалъ; весь дворъ и могущественный теперь князь В. В. Голицынъ, благоволившій молодому капитану, находились въ Троицкой Лаврѣ. Туда рѣшился ѣхать Лефорть, чтобы представиться боярину. Онъ могъ имѣть къ тому уважительный поводъ: онъ долженъ былъ извѣстить князя Голицына, теперешняго начальника Посольскаго Приказа, о прибытіи чрезвычайнаго уполномоченнаго Даниш, Гилебрандта фонъ Горна.

Голицынъ принялъ Лефорта милостиво и приказалъ ему немедленно ѣхать навстрѣчу датскому посланнику и состоять при немъ, въ качествѣ пристава, до тѣхъ поръ, пока Горигъ не доучитъ аудіенціи у царей Іоанна и Петра.

18-го октября, уполномоченный Даниѣ, жившій до сихъ поръ въ Смоленскѣ, прибылъ, въ сопровожденіи Лефорта, чрезъ Москву, въ назначенный ему, близъ монастыря, домъ, и на другой день представлялся обоимъ царямъ. Лефортъ присутствовалъ при аудіенціи и удостоился быть допущеннымъ къ цѣлованію царскихъ рукъ. Такъ положительно удостовѣряетъ племянникъ Лефорта—авторъ упомянутыхъ выше мемуаровъ—извѣшій, безъ сомнѣнія, въ своихъ рукахъ письма дяди; академикъ Устряловъ опровергаетъ, однако, фактъ присутствія Лефорта при аудіенціи. Онъ говоритъ, что Лефортъ не могъ состоять при датскомъ посланникѣ, тѣмъ менѣе находиться при аудіенціи, потому что возвратился изъ-за границы *слуття мѣсяца* послѣ этого (*). Когда именно состоялся приемъ посланника въ Троицкой Лаврѣ, видно изъ актовъ датскихъ дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ. Тамъ, какъ и въ запискахъ племянника Лефорта, 19-е октября показано днемъ аудіенціи. Въ тѣхъ же актахъ заявляется о предстоящемъ приѣздѣ Горна и о вступленіи его въ русскіе предѣлы въ августъ и въ сентябрь мѣсяцахъ. Время прибытія Лефорта въ Москву основываютъ на томъ, что его проѣзжая грамота поступила въ Посольскій Приказъ не прежде 23-го октября. Если и было дѣйствительно такъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ безусловно, чтобы онъ пріѣхалъ въ этотъ самый день. Не говоря уже о сомнительности вопроса: гдѣ была предъявлена начальнику Посольскаго Приказа проѣзжая грамота, въ Москвѣ или въ Троицкомъ Монастырѣ (здѣсь Лефортъ имѣлъ болѣе удобный случай представить и свое свидѣтельство на званіе женеваго гражданина), тогдашнее положеніе дѣлъ было такого рода, что замедленіе въ предъявленіи проѣзжей грамоты не имѣетъ въ себѣ ничего особенно важнаго. Притомъ Лефортъ, тотчасъ по приѣздѣ въ Лавру, былъ отправленъ, какъ сказано, навстрѣчу Горпу въ Смоленскъ; слѣдовательно, на одномъ вышеприведенномъ числѣ нельзя основывать времени его возвращенія изъ-за границы. Наконецъ маршрутъ Лефорта извѣстенъ въ точности: мы видѣли, что еще въ Женевѣ онъ сильно беспокоился исходомъ срока своего отпуска. Не въ Москвѣ, а по приѣздѣ въ Троицкій Монастырь, вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ, нашелъ онъ время и поводъ устроить свое паспортное дѣло. Что это дѣйстви-

(*) Исторія царствованія Петра Великаго, II, 16—17.

тельно случилось въ монастырѣ, доказываетъ возможное на Лефорта порученіе проводить Горна обратно до Москвы, куда тотъ прѣхалъ 28-го октября.

Справедливо, что Лефортъ не служилъ при аудіенціи переводчикомъ—на это обстоятельство, какъ на доводъ, указываетъ Устряловъ—но что онъ не могъ исполнять такой обязанности будто бы потому, что находился за границей, и доказывать нечего. Съ какой стати Лефортъ служилъ бы переводчикомъ? Современные акты указываютъ на офиціального толмача, Леонтія Гросса, всегда присутствовавшего при представленіяхъ иностранныхъ министровъ. Ссылаются еще на то, что капитанъ Василій Андриановъ вводилъ посланника къ царямъ; но развѣ это можетъ касаться Лефорта? Андриановъ былъ, безъ сомнѣнія, начальникомъ посланныхъ навстрѣчу послу тѣлохранителей. Еще яснѣе видна истинная роль Лефорта изъ слѣдующаго современнаго разсказа: «Лефорту подвели лошадь, чтобы имѣть, вмѣстѣ съ посланникомъ, въѣздъ въ Троицкій Монастырь; но онъ отказался сѣсть на коня и отвѣчалъ, что имѣетъ честь состоять въ службѣ царей, и что честь, которую ему хотятъ оказать, могла бы быть истолкована въ смыслѣ, будто онъ принадлежитъ къ святѣ его превосходительства. Ему возразили, что такова воля ихъ царскихъ величествъ. Тогда Лефортъ сѣлъ на коня и, такимъ образомъ, принялъ участіе въ аудіенціи».

Въ отсутствіе Лефорта изъ Москвы, случились перемѣны, непосредственно касавшіяся его служебной дѣятельности. Выше уже было замѣчено, что, по внушенію князя Голицына, царь Ѳеодоръ назначилъ военную комисію (думу) и приказалъ произвести преобразованія по военному вѣдомству, преимущественно въ отношеніи иноземныхъ офицеровъ. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1682 года объявлено было съ «краснаго крыльца», что, за прекращеніемъ войны съ чужестранными государствами, надлежитъ послѣдовать примѣру другихъ монарховъ и уволить тѣхъ офицеровъ, которые окажутся ненужными. Списокъ такихъ офицеровъ возбудилъ неописанный страхъ, самыя громкія жалобы. Многіе изъ нихъ, съ женами и съ дѣтьми, были вызваны изъ различныхъ гарнизоновъ въ Москву и должны были, лишеныя всякихъ средствъ, выѣхать за границу. Но стѣснительная мѣра была отчасти ослаблена, отчасти отиѣнена. Въ половинѣ апрѣля того же года, въ Москвѣ узнали, что султанъ сурово принялъ царскаго посла; что крымскіе татары опять появились на Днѣпрѣ и даже требовали назадъ Чигирина; что Польша настаиваетъ на возвращеніи Кіева и Смоленска; что король французскій послалъ болѣе

шія суммы въ Варшаву; что башкиры въ царствѣ Казанскомъ и въ царствѣ Астраханскомъ возмутились.... Особенно послѣднее извѣстіе встревожило московское правительство: для усмиренія мятежниковъ двинута была рать, подъ начальствомъ опытнаго воина, Петра Васильевича Шереметева. Этотъ воевода потребовалъ присылки къ нему нѣмецкихъ офицеровъ, вслѣдствіе чего иноземные ратные люди опять были приняты въ царскую службу. Часть офицеровъ послали въ войска, дѣйствовавшія противъ взбунтовавшихся башкировъ, часть распредѣлили по гарнизонамъ въ пограничныхъ городахъ. Оба отборные полка оставались въ Москвѣ. Лефортъ, возвратившись сюда изъ Троицкаго Монастыря, позаботился прежде всего объ устройствѣ своихъ служебныхъ дѣлъ. Такъ какъ до заграничнаго отпуска онъ служилъ въ Кіевѣ, подъ начальствомъ родственника своего Гордона, который все еще былъ тамъ комендантомъ, то являлся вопросъ: возвращаться ли туда? Едва-ли желалъ этого Лефортъ; по крайней мѣрѣ, онъ остался въ Москвѣ. Помогли ли ему, въ этомъ случаѣ, подарки, привезенные изъ Женевы, утверждать трудно; но есть свѣдѣнія, что онъ очень сожалѣлъ о немнѣиш болѣе у себя подобныхъ вещей, очень понравившихся тѣмъ, кому онѣ были подарены. Важнѣе собственное показаніе Лефорта, что онъ пользовался покровительствомъ князя Бориса Алексѣевича Голицына (двоюроднаго брата могущественнаго любимца правительницы Софіи), назначеннаго дядкою къ юному царю Петру.

Вромѣ того, самое положеніе тогдашнихъ дѣлъ благопріятствовало, повидимому, служебной карьерѣ капитана Лефорта. Трудные политическіе вопросы Россіи еще не были рѣшены; князь Василій Голицынъ не успѣлъ заключить мира ни съ одною державою и завязать дружественныхъ сношеній; на югѣ, на сѣверѣ и на западѣ русскаго государства политическіе вопросы являлись крайне запутанными. Самымъ дальновиднымъ и самымъ опытнымъ дипломатомъ между иноземцами, жившими въ Слободѣ, былъ, безспорно, представитель Нидерландовъ—почти единственнаго государства, которое находилось въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Россіи, особенно благодаря торговымъ дѣламъ, веденнымъ барономъ фанъ Келеромъ умно и основательно. Такой именно дипломатъ могъ быть наиболѣе полезенъ князю Василю Голицыну, и онъ успѣшалъ сблизиться съ нимъ. А такъ какъ Лефортъ былъ друженъ съ барономъ фанъ Келеромъ, то, по всей вѣроятности, чрезъ него нашелъ онъ покровителя въ тогдѣшнемъ главнокомандующемъ всѣми русскими военными силами. Этотъ объясняется быстрое повышеніе Лефорта по службѣ: 29-го іюня

1683 года, въ день именинъ младшаго царя (Петра), онъ былъ произведенъ въ майоры, а спустя два мѣсяца, 29-го августа, въ день именинъ старшаго царя (Иоанна), получивъ чинъ подполковника (*). Извѣщая объ этомъ своихъ родныхъ, Лефортъ прибавилъ, что его двойное повышение сопровождалось особеннымъ торжествомъ: оба царя объявили о его производствѣ передъ дворцомъ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, и повелѣли внести пожалованнаго въ списокъ.

Лефортъ поступилъ въ одинъ изъ «солдатскихъ» полковъ, расположенный въ Москвѣ и состоявшій подъ командою генераль-майора графа Грахама (**); но уже въ началѣ 1685 года этотъ генераль былъ перемѣщенъ въ южную армию (въ Бѣлгородъ), гдѣ и оставался до смерти своей (12-го мая 1693 года). Подполковникъ Лефортъ не послѣдовалъ за нимъ, и неизвѣстно, кто былъ назначенъ командиромъ полка.

Въ это время (въ 1683 и 1684 годахъ) господствовала при московскомъ дворѣ замѣчательная политическая дѣятельность. На очереди стояли важнѣйшіе вопросы о войнѣ или о мирѣ. Пріѣзжали и уѣзжали посольства различныхъ государствъ, съ цѣлю привлечь на свою сторону «Московію», завязать съ нею тѣ или другіе переговоры, заключить союзъ, и чѣмъ запутаннѣе и труднѣе были цѣли, преслѣдуемые иноземными мисіями, тѣмъ усерднѣе приводились въ движеніе самые разнообразныя приемы. Если, съ одной стороны, усиливались задобрить подарками влиятельнѣйшихъ бояръ, то, съ другой, искали возбудить вниманіе къ себѣ пышными пирами и празднествами, стоившими большихъ денегъ. Все это разыгрывалось преимущественно въ Нѣмецкой Слободѣ, потому что здѣсь жили люди, которые или были знакомы съ посланниками, или занимали такое положеніе, что ихъ голосъ, ихъ совѣтъ, содѣйствіе и посредничество при дворѣ имѣли немалое значеніе. Первая роль между ними принадлежала барону фанъ Келеру: онъ поддерживалъ словомъ и дѣломъ шведскаго посланника Фабриціуса; посылалъ къ римско-импе-

(*) Въ актахъ, хранящихся въ московскомъ отдѣленіи архива бывшаго инспекторскаго департамента, время производства капитана Лефорта въ майоры и въ подполковники отнесено къ 29-му іюня и 29-му августа 1684 года. Докторъ Поссельтъ полагаетъ, что вѣрнѣе слѣдуетъ принимать 1683 годъ, во первыхъ потому, что самъ Лефортъ писалъ въ Женеву именно въ этомъ году о своемъ повышеніи, а во вторыхъ потому, что, при въѣздѣ въ Москву австрійскаго посла въ май 1684 года, онъ присутствовалъ уже въ чинѣ подполковника.

(**) Лордъ графъ Грахамъ, родомъ англичанинъ, прибылъ въ Россію въ 1679 году, имѣя чинъ полковника. Онъ служилъ прежде въ Баваріи, гдѣ командовалъ курюршескимъ полкомъ. Гордонъ, въ своемъ «Дневникѣ», отзывается о немъ, какъ объ ошцерьѣ достойномъ и храбромъ.

раторскому послу, прежде чѣмъ тотъ пріѣхалъ въ Москву, своего секретаря для совѣщаній; имѣлъ сношенія съ польскими посланниками, хотя и не одобрялъ ихъ запосылкой и притязательной политики; ему были извѣстны всѣ шаги датчанина Горна. Царское правительство знало все это, но питало къ Келеру тѣмъ большее довѣріе, что, по инструкціямъ голландскихъ генеральныхъ штатовъ, онъ старался о водвореніи общаго мира между европейскими державами и о заключеніи тройнаго союза между Россіей, Австріей и Польшей противъ враговъ христіанства.

Уже по связямъ своимъ съ фанъ Келеромъ Лефортъ имѣлъ случай получать ближайшія свѣдѣнія о международныхъ движеніяхъ; притомъ онъ былъ знакомъ со многими иноземными дипломатами и, несмотря на свою молодость, занималъ почетное положеніе въ обществѣ вліятельныхъ иностранцевъ. Онъ присутствовалъ не только при всѣхъ ихъ совѣщаніяхъ, но и самъ принималъ у себя гостей. Домашнее хозяйство его было теперь устроено такъ, что у него собиралось многочисленное общество, въ томъ числѣ и знатные русскіе бояре. Его обходительность, его любезность очаровывали всѣхъ, и если, при такой обстановкѣ, ему отарывалось болѣе обширное поле выказывать свои познанія и способности, то онъ всегда умѣлъ извлекать изъ того пользу.

Во время пребыванія въ Москвѣ посланниковъ шведскаго и австрійскаго, обыватели Нѣмецкой Слободы вели особенно-шумный и веселый образъ жизни: такъ какъ эти дипломаты давали блестящіе праздники и пышные пиры, то тѣмъ же оплачивали ихъ датскіе посланникъ и резидентъ, или комисарь, и купецъ Гартманъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и почетнѣйшихъ иностранцевъ. Въ подобныхъ празднествахъ принимали участіе князь В. В. Голицынъ и первостепенные бояре. Лефортъ, непремѣнный членъ этихъ кружковъ, пахотился въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ съ людьми, отъ рѣшенія которыхъ зависѣли тогдашніе политическіе вопросы. Неопровержимыя свидѣтельства доказываютъ, что могущественный министръ и фаворитъ правительницы былъ очень расположенъ къ молодому подполковнику-желевцу; бояринъ князь Одоевскій также любилъ его, а князь Борисъ Голицынъ, дядька Петра, питалъ къ нему чувства дружбы.

Въ исходѣ 1684 года, Лефортъ устроилъ у себя въ домѣ патристическое празднество, въ воспоминаніе той знаменитой желевской вскалады (12-го декабря 1602 года), о которой упомянуто выше, въ историческомъ очеркѣ Женевы. «Я позволилъ себѣ», писалъ онъ

роднымъ, «притгласить князя Бориса Голицына, и онъ пріѣхалъ се многими боярами». Кромѣ него, обѣдали офицеры и именитѣйшіе иноземцы. Въ это время у Лефорта уже былъ свой домъ, который онъ купилъ, впрочемъ, на занятые деньги, хотя, какъ извѣстно, жена его имѣла состояніе. «У тещи моей есть деньги», писалъ онъ, по этому поводу, старшему брату, «но она распорядится ими по своей фантазіи. Я никогда не просилъ у нея ни гроша, и не желаю просить и впредь. Она добрая женщина, семидесяти лѣтъ; однако я думаю, что еслибы я попросилъ у нея денегъ, то она заболѣла бы и умерла бы съ горя». Только въ дѣтяхъ своихъ Лефортъ былъ несчастливъ: они умирали одинъ за другимъ въ младенчествѣ, и въ эту пору (1685) у него оставался въ живыхъ одинъ сынъ, родившійся въ исходѣ 1684 года.

Въ 1685 году князь Борисъ Голицынъ былъ назначенъ начальникомъ Казанскаго Приказа и по этому званію ему подчинялось управленіе бывшими царствами Казанскимъ и Астраханскимъ. Онъ имѣлъ въ виду немедленно послать туда Лефорта, скучавшаго бездѣйствіемъ въ Слободѣ, и дать ему кавалерійскій полкъ въ тысячу человекъ. Лефортъ долженъ былъ отправиться къ мѣсту новаго служенія съ княземъ Иваномъ Голицынымъ, также короткимъ своимъ знакомымъ, опредѣленнымъ въ должность казанскаго губернатора; но прежде нежели это осуществилось, другаго рода служба ожидала подполковника Лефорта.

Царское правительство не предполагало отправлять въ 1685 году подрѣпленій на южную границу; но когда посланецъ крымскаго хана, пріѣзжавшій въ Москву съ цѣлію разстроить союзъ между Россіей, Австріей и Польшей, уѣхалъ недовольный неуспѣхомъ, и когда вскорѣ потомъ узнали, что значительная татарская конница, вмѣстѣ съ янычарами и казацкими вереметчиками, напала на городъ Немировъ въ Урайнѣ (принадлежавшій Польшѣ), разграбила и сожгла его, тогда признано было нужнымъ поспѣшно отправить туда войска, на подрѣпленіе гарнизоновъ тамошнихъ крѣпостей, въ особенности Кіева. Къ этимъ войскамъ принадлежалъ и подполковникъ Лефортъ, въ качествѣ баталіоннаго командира. Онъ доходилъ до мизилевскихъ степей, и уже имѣлъ нѣсколько стычекъ съ татарами, какъ получилъ предписаніе отступить въ самую глухую осеннюю пору, причемъ слабый отрядъ его много пострадалъ отъ болѣзней. Зимой Лефорту позволено было прибыть въ Москву.

Между тѣмъ, уже предполагалась новая война съ турками и съ крымскими татарами, вслѣдствіе мирнаго трактата, заключеннаго съ

Польшею (21-го апрѣля 1686 года) и союза съ нею, для совѣстной борьбы противъ враговъ христіанства (*). Вооруженія провозводились тѣмъ успѣшнѣе, что крымскій ханъ обратился къ царямъ со страннымъ предложеніемъ: чрезъ посланца своего онъ объявлялъ, что если цари согласятся нарушить недавно подписанный съ польскою республикою договоръ, то онъ, ханъ, откажется не только отъ платимой ему дани, но и отъ своихъ правъ и притязаній на нѣкоторыя части русскаго государства, заключить союзъ и будетъ помогать Россіи въ случаѣ какой-либо войны. Ханскій посланецъ, прѣхавшій въ Москву съ этими предложеніями, былъ арестованъ, и потому князь В. В. Голицынъ, назначенный главнокомандующимъ всѣми русскими войсками, торопился отырыть кампанію какъ можно раньше.

Когда большая рать была приведена на военное положеніе, Лефорть принадлежалъ къ полку полковника Вестгофа, стараго, опытнаго служака. Полкъ этотъ входилъ въ составъ второй дивизіи, командуемой генераломъ Гордономъ; но генералъ Венедиктъ Андрѣевичъ Змѣевъ, начальствовавшій первою дивизіей, пожелалъ имѣть Лефорта въ одномъ изъ своихъ полковъ и переманилъ его себѣ. Онъ далъ ему баталіонъ въ 1,900 человекъ, съ которыми Лефорть и выступилъ въ Крымъ.

Сформированы были три колонны, долженствовавшія двинуться прямо на югъ и собраться у рѣки Мерли, между тѣмъ какъ донскіе казаки, башкиры и калмыки стануть двигаться съ востока. Первая колонна состояла подъ начальствомъ самого князя В. В. Голицына, помощниками котораго были бояринъ князь Щербатовъ и окольный Венедиктъ Змѣевъ; второю колоною, или корпусомъ, командовалъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шенъ, а подъ нимъ князь Барятинскій; третью колону велъ бояринъ князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукій, а подъ нимъ окольный Скуратовъ.

Главнокомандующій выѣхалъ изъ Москвы во второй половинѣ апрѣля 1687 года, и хотя еще зимой сдѣланы были имъ распоряженія относительно выступленія частей, однако полки выступали весьма неохотно и шли медленно, такъ что только въ началѣ мая достигли сборнаго мѣста на рѣкѣ Мерлѣ. Здѣсь былъ начертанъ Гордономъ операціонный планъ противъ Крыма.

(*) Только по этому договору, Польша согласилась на включеніе въ царскій титулъ словъ: „государь Кіева, Смоленска, Чернигова и Малой Россіи“, и формально отказалась отъ притязаній своихъ на эти города и на эту область, равно и на Запорожскую Сѣчу. Правительница Соевъ торжественно возвестила о такой побѣдѣ своей дипломатіи, упоминувъ въ манифестѣ, что ни отецъ ея, ни братъ не могли достигнуть того же многолѣтними войнами и стараніями.

Точное и вѣрное описаніе крымскаго похода помѣщено въ «Дневникѣ» Гордона. Лефортъ, тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Москву, изложилъ въ письмѣ къ брату (отъ 1-го октября 1687) всѣ обстоятельства этого бѣдственнаго предпріятія и столь же бѣдственнаго положенія русской арміи. Онъ начинается съ прибытія своего въ Ахтырку, на рѣкѣ Ворсклѣ:

«Мнѣ предстояло много хлопотъ привести Ахтырку въ хорошее состояніе, ибо Зиѣвъ приказалъ устроить все по моему личному усмотрѣнію. Мой полковой командиръ былъ на весьма дурномъ счету, да и самъ ни во что не вышывался. Когда 400 человекъ полка пришли въ Ахтырку, генералъ послалъ полковника въ Коломтаевъ, и я остался одинъ, пока не собрались прочія части полка. По надлежащемъ снаряженіи всей арміи, меня отправили съ 1,500 людьми впередъ, чтобы пройти по наведенному чрезъ Мерль мосту и овладѣть имъ. Это было исполнено, послѣ чего армія могла переправиться безпрепятственно. Непрiятель нигдѣ не показывался. На слѣдующій день (2-го или 3-го мая) переправа совершилась и армія простояла здѣсь нѣсколько дней, въ ожиданіи прибытія всего необходимаго для столь важнаго похода. Дѣйствительно, никогда подобнаго похода предпринимаемо не было; но могу увѣрить васъ, что никогда ни одна армія и не страдала столько, какъ эта здѣсь.

«Отъ рѣки Мерля пошли мы къ рѣкѣ Коломаку, гдѣ трава росла въ изобиліи, равно какъ и близъ рѣки Орчини и Липянки. Спустя нѣсколько дней, достигли мы прекраснѣйшей рѣки, которую можно видѣть: она называется Орель (*); оба берега ея покрыты великолѣпными лѣсами, гдѣ во множествѣ водятся всякаго рода звѣри: олени, волки, медвѣди, дикіе бараны (*moutons sauvages*) и другіе. Здѣсь мы простояли нѣкоторое время; затѣмъ приближились къ рѣкѣ Вильчену и, наконецъ, къ весьма красивой рѣкѣ Самарѣ (**), съ несокѣмъ, впрочемъ, здоровою водою. Пройдя еще нѣсколько рѣчекъ, добрались мы до рѣки Конская Вода, скрывавшей въ себѣ сильный ядъ, что обнаружилось тотчасъ же, какъ изъ нея стали пить. Эта вода для многихъ была пагубна: смерть пронавала большаго опустошенія. Ничего не могло быть ужаснѣе мною здѣсь видѣннаго. Цѣлыя толпы несчастныхъ ратниковъ, истомленные маршемъ при палящемъ жарѣ, не могли удержаться, чтобы не глотать этого яда, ибо смерть была для нихъ только утѣшеніемъ. Нѣкото-

(*) Рѣка Орель, на границѣ Полтавской и Екатеринославской губерній, впадаетъ въ Днѣпръ.

(**) Въ Екатеринославской губерніи; впадаетъ въ Днѣпръ.

рые шли изъ вонючихъ лужъ или болотъ; другіе снимали наполненные сухарями шапки и прощались съ товарищами: они оставались тамъ, гдѣ лежали, не имѣя силъ идти отъ чрезмѣрнаго волненія крови. Къ довершенію несчастія, нашъ великодушный князь, бояринъ В. В. Голицынъ, не позволялъ сворачивать съ дороги, хотя мы уже не имѣли травы, потому что всѣ степи были выжжены. Мы достигли рѣки Ольбы, но и ея вода оказалась ядовитою, а все кругомъ было уничтожено: мы видѣли только черную землю да пыль, и едва могли разсмотрѣть другъ друга. Къ тому же вихри свирѣпствовали постоянно. Всѣ лошади были изнурены и падали во множествѣ. Мы потеряли голову. Искали повсюду непріятеля или самого хана, чтобы дать ему сраженіе. Захвачены были нѣсколько татаръ и сто двадцать изъ нихъ, и болѣе, истреблены. Плѣнные показали, что ханъ идетъ на насъ съ 80,000 татарами. Однако и его полчище жестоко пострадало, потому что до Перекопа все было выжжено.

«Нашъ генералиссимусъ, не взирая на то, пошелъ впередъ къ рѣкѣ Анчикѣ, куда посланы были нѣкоторые отряды, ничего, впрочемъ, не сдѣлавшіе. Армія разстроилась въ конецъ; всѣ роптали, потому что болѣзни свирѣпствовали страшно; артилерію везли тѣ солдаты, которые еще не совсѣмъ изнурились. «Seigneur», нашъ князь, былъ въ отчаяніи отъ того, что не могъ достигнуть Перекопа, что оказывалось, дѣйствительно, невозможнымъ, да, правду сказать, не было и нужды въ томъ: и безъ сраженій смерть довольно потрепала насъ. Она похитила лучшихъ нашихъ офицеровъ, между прочимъ трехъ полковниковъ: Во (Vaud), Фливерса, Бальцера, и до двадцати нѣмецкихъ подполковниковъ, маіоровъ и капитановъ. Мы напрягли послѣднія силы, чтобы добраться до рѣки Ячакрака. Здѣсь армія очутилась въ бѣдственнѣйшемъ положеніи. Вода повсюду была черная, въ маломъ количествѣ и нездоровая; жара стояла невыносимая; дождя не выпало ни капли; во весь походъ ни слѣда травы; и солдаты, и лошади едва тащили ноги. Нашъ генералиссимусъ былъ въ себя и, могу васъ увѣрить, горько плакалъ. Собрались всѣ генералы на военный совѣтъ.

«Не могли понять, какъ удалось татарамъ выжечь всю траву. Подозрѣвали гетмана казаковъ въ соумышленіи съ татарскимъ ханомъ. Это оказалось справедливымъ, и онъ былъ схваченъ съ двумя сыновьями. Слетѣло нѣсколько головъ, а гетмана и сыновей его сослали въ Сибирь. Мазепу назначили гетманомъ. Онъ былъ выбранъ по общему требованію казаковъ.

«Оставаться долго здѣсь (на рѣкѣ Ячакракѣ) было невозможно.

Выбрали около 10,000 человекъ изъ самыхъ здоровыхъ и послали къ запорожцамъ (*jusques au Saporogae*) въ четырехъ лѣхъ отъ насъ, чтобы они поддержали генерала Косагова, стояшаго въ небольшомъ ономъ блязъ Якегина (?). Это порученіе было возложено на Леонтія Романовича, Пешлюева. Татары атаковали его, но ни съ той, ни съ другой стороны бой не былъ впропролитенъ.

«Мы вдругъ повернули назадъ и двинулись берегомъ Днѣпра, гдѣ также все было выжжено. Переходили въ бродъ болота, чтобы набрать здѣсь кое-какой травы. Болѣзни усиливались; умирало множество, гораздо болѣе, чѣмъ при наступательномъ движеніи. Счастливы были тѣ, которые имѣли добрыхъ коней. Я потерялъ многихъ лошадей и привелъ обратно только девять. Нашъ главнокомандующій находился въ большой печали на возвратномъ пути. Вся Московія была въ необыкновенно-возбужденномъ состояніи, желая знать чѣмъ кончился походъ. Бѣзпрестанно прибывали и уѣзжали голицы. Армія отступила, мало по малу, до рѣки Орла».

Когда остатки рати дошли до рѣки Мерля (13-го августа), столичный Шереметьевъ явился съ царскимъ указомъ распустить войско. Передъ наматкою главнокомандующаго былъ прочитанъ длинный дневной приказъ, въ которомъ выражалось всемилооставѣйшее благоволеніе ихъ величествъ за добрую службу всехъ и каждаго. Затѣмъ были розданы медали. (*)

Еще во время похода, на рѣкѣ Орлѣ или на Мерлѣ, князь Голицынъ обѣщалъ Лефорту чинъ полковника; теперь, уѣзжая въ Москву, онъ сказалъ ему, что производство послѣдуетъ тамъ, «если ихъ величества прижутъ меня милостиво». Лефортъ сопровождалъ князя до столицы, да и во всю кампанію находился неотлучно при немъ. Приѣхавъ въ Москву, князь Голицынъ особенно благодарилъ Лефорта и еще двухъ или трехъ офицеровъ и вновь подтвердилъ, что «если онъ (Голицынъ) будетъ въ милости, то и они удостоятся милости ихъ величествъ». — «На другой день», писалъ Лефортъ брату, «мы были съ княземъ у старшаго царя и у царевны, для цѣлованія руки; князь В. В. Голицынъ говорилъ въ нашу пользу и, могу васъ увѣрить, высказалъ много лестнаго. Намъ было три подполковника: мой кузенъ Страсбургъ, женатый на дочери Гордопа, Форать и я. «Seigneur» сказалъ: «эти господа достойны повышенія; они никогда не оставляли меня и вѣрно служили вашимъ величествамъ».

(*) Князь В. В. Голицынъ получилъ осыпанную брилліантами медаль на золотой цѣпи, въ триста червонныхъ стоимости; другимъ боярамъ были даны медали въ девять и въ пять червонцевъ, а иностраннымъ офицерамъ въ одинъ червонецъ. См. „Дневникъ“ Гордова, II, 170—201.

Затѣмъ мы были у цѣлованія руки юнаго царя Петра Алексѣевича, живущаго въ полу-льѣ отъ города. Кремъ жалованья, мы получили мѣсячное содержаніе и прибавочныхъ за три мѣсяца похода».

Спустя нѣсколько дней, Лефортъ встрѣтилъ князя В. В. Голицына, ѣхавшаго въ свою деревню. «Я тотчасъ слѣвъ съ лошади», писалъ онъ брату, «и приблизился къ нижеской каретѣ. Князь улыбнулся и сказалъ: «за твою добрую службу, его величество, или нхъ величества, всемплоствѣйше пожаловали тебя въ полковники».... Мой кузень Страсбургъ также былъ у князя и также узналъ отъ него о своемъ производствѣ въ полковники. Больше нито не произведенъ. Многіе офицеры получили мѣсячное содержаніе въ 50 талеровъ; мы же получили по 60 талеровъ или по 30 рублей, безъ всякаго вычета. Если Богъ продлитъ мнѣ жизнь, надѣюсь имѣть, чрезъ полгода, по 100 талеровъ. Обѣщали мнѣ также полкъ въ 1,900 человекъ и тогда, думаю, мнѣ опять прикажутъ въ январѣ идти въ походъ».

Въ самой Женевѣ случились, около этого времени, событія, не оставшіяся безъ вліянія на судьбу Лефорта. Еще въ 1665 году возникъ такой разладъ между французскимъ дворомъ и республикою изъ-за гугенотовъ, что женевское правительство опасалось войны. По этому случаю, синдикъ Ами Лефортъ, старшій братъ Франца, писалъ въ Москву, чтобы онъ (Францъ) обратился къ сенаторамъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, или просилъ бы посредничества ихъ о возвращеніи на родину. Францъ отвѣчалъ (въ мартѣ 1686): «Я не премину и совершенно готовъ отправиться въ Женеву, если представится случай оказать республикѣ мои малыя послуги. Полагаю, что рѣчь идетъ о войнѣ, которая для меня была бы такъ же важна и желательна, какъ бы надлежало выступить противъ турокъ». Лефортъ написалъ и въ женевскій сенатъ, но это письмо было отправлено только 1-го октября того же года. Дѣла въ Москвѣ, между тѣмъ, измѣнились: война съ татарами была рѣшена и уже начались приготовленія; слѣдовательно, объ увольненіи изъ русской службы нечего было думать. И такъ, вмѣсто того, чтобы просить женевскій сенатъ о посредничествѣ относительно выѣзда изъ Россіи, что повлекло бы за собою утрату благорасположенія «des seigneurs» (Голицыныхъ) — въ чемъ Лефортъ былъ убѣжденъ—онъ рѣшился, пользуясь удобнымъ случаемъ, просить женевскихъ сенаторовъ о двухъ рекомендательныхъ письмахъ къ князьямъ Василию и Борису Голицынымъ, для упроченія своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ по службѣ.

По докладѣ просьбы Лефорта, сенатъ, въ засѣданіи 12-го ян-

варя 1687 года, постановилъ: «переслать ему два просимыя письма, написанныя, какъ можно, вѣжливыя и обязательныя». Но такъ какъ эти рекомендательныя письма не могли быть адресованы на имя самого Лефорта, находившагося тогда въ походѣ, то ихъ переслали датскому резиденту Бутенану. Онъ получилъ ихъ лѣтомъ и тотчасъ же передалъ одно князю Борису Голицыну, жившему въ Москвѣ, а другое вручилъ Лефорту, когда тотъ возвратился (*). Это второе письмо было переведено на русскій языкъ и князь В. В. Голицынъ принялъ его съ большимъ удовольствіемъ.

О письмахъ женеваго сената къ князьямъ Голицынымъ (Василію и Борису) Устряловъ отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Эта переписка удостовѣряетъ, какъ усердно *хлопоталъ* Лефортъ о благоволеніи князя Голицына. Да и весьма естественно, что *бездомный* капитанъ, пріѣхавшій въ Россію искать счастья, старался *обратитъ на себя* милостивое вниманіе временщика, отъ котораго все зависѣло, предъ которымъ все трепетало» (**).

Молодого человѣка, задыхавшагося въ своей средѣ и бросившагося въ бурное житейское море, чтобы испытать свои силы въ борьбѣ съ судьбою, можно назвать «бездомнымъ», искателемъ приключеній, и нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что онъ старается пріобрѣсти благоволеніе могущественно министра, отъ покровительства котораго зависитъ его судьба. Пусть этотъ молодой человѣкъ надѣлалъ отъ природы богатыми дарами, пусть онъ обладаетъ многосторонними познаніями, но если на всё такія его достоинства не только не обращаютъ вниманія, но и не цѣнятъ ихъ ни въ грошъ, то что ему остается предпринять? Какъ онъ долженъ вести себя въ отношеніи всемогущаго вельможи, который считалъ себя въ правѣ сказать заслуженному генералу: «я сошлю тебя въ Сибирь, если ты меня не послушаешься и не сдѣлаешь того, что я хочу?»... При такой обстановкѣ, уступчивость получаетъ особенный тонъ, особенное значеніе. Но для того, чтобы вполне выяснитъ положеніе и заслуги Лефорта, равно и отношенія его къ бодрину князю В. В. Голицыну, для этого есть документъ многозначительный. Князь Голицынъ, отвѣчая на письмо женеваго сената и давая свой отзывъ о женевакомъ гражданѣ, не только выставилъ его какъ достой-

(*) Устряловъ утверждаетъ, будто женеваскій сенатъ послалъ рекомендательныя письма къ князьямъ Василію Васильевичу и его сыну Алексію Васильевичу Голицынымъ. Послѣдній не получалъ никакого письма.

(**) „Исторія царствованія Петра Великаго“ II, 16. Неизвѣстно, почему Устряловъ называетъ полковника Лефорта капитаномъ, да еще и бездомнымъ.

наго, храбраго офицера, но и указалъ еще болѣе на свои личныя къ нему отношенія (*).

Жизнь, въ эту пору, Лефорта въ Нѣмецкой Слободѣ представляетъ нѣсколько характеристическихъ частныхъ. Сношенія его съ именитыми русскими боярами постепенно расширялись, и въ числѣ своихъ благопріятелей онъ поименовывалъ князя Якова Долгорукаго, котораго называетъ «весьма честнымъ человѣкомъ», равно и его братьевъ. Выше было говорено о томъ, что Лефортъ имѣлъ свой домъ, съ садомъ, на берегу Яузы. Домъ былъ устроенъ такъ, что отличался отъ другихъ домовъ въ Слободѣ, а хозяинъ славился такимъ гостепріимствомъ, такимъ радушіемъ, что быть у него всякій поставлялъ себѣ за удовольствіе. Вѣроятно слухи о томъ дошли до брата Ами, который, опасаясь, чтобы Францъ не вдался въ крайніе расходы, высказалъ ему, по этому поводу, нѣсколько замѣчаній. Францъ Лефортъ отвѣчалъ (20-го марта 1686): «Вы высказали мнѣ, нѣкоторые упреки по поводу моего хозяйственнаго быта. Я долженъ сознаться, что, въ извѣстномъ отношеніи, вы правы; но вы повѣрите мнѣ, что я не господинъ и того немногаго, что у меня есть,

(*) Письмо это существуетъ только на русскомъ языкѣ. Оно хранится въ дѣлахъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, и помѣчено 2-го марта 7197 года (1689). Письмо не дошло по назначенію, и это легко объясняется тѣмъ, что оно было писано въ такое время, когда важныя государственныя дѣла отрывали князя изъ Москвы. Затѣмъ надлежало перевести письмо на французскій языкъ и отослать, для чего не было на лицо посредничающаго лица, т. е. Лефорта, а скорѣй совершились такіа событія, что некогда было и думать объ отсылкѣ письма въ Женеву. Не итѣя передъ глазами подлинника, сообщаемъ сумность письма кн. Голицына по нѣмецкому переводу доктора Пессельта, помѣщенному въ приложеніяхъ къ первому тому. Князь Голицынъ писалъ: „Что касается ходатайства за гражданина вашей страны, Франциппа Лефорта, состоящаго въ службѣ моихъ всемілостивѣйшихъ государей, ихъ царскихъ величествъ, дабы онъ былъ почитенъ высшимъ чиномъ, то, согласно вашему ходатайству, я входилъ съ представленіемъ моимъ великимъ государямъ, и помянутый гражданинъ вашей страны, за его вѣрную, похвальную и честную службу, удостоенъ особенной милости ихъ царскихъ величествъ и повышенія въ чинъ. Онъ пожалованъ высшимъ чиномъ полковника пѣхотнаго строя. Поставляю себѣ за удовольствіе выразить и на будущее время надежду, что онъ, ради своей вѣрной службы, какъ подобаетъ подданному, не лишится здѣсь своего чина, ибо дѣла его достойны похвалы и возвышаются его добродѣтелью, почему онъ, за свою добрую нравственность, пользуется моею неизмѣнною любовью. И если самъ онъ въ ней неизмѣненъ пребудетъ, то увидитъ еще большую милость“. Устриловъ говоритъ, что „тщеславный временщикъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что женевская республика прямо обратилась къ нему съ просьбою за своего соотечественника и произвелъ Лефорта въ полковника“. Пусть такъ. Но могущественному министру не было никакой надобности заискивать чего либо у крошечнаго швейцарскаго кантона и высказывать любезности въ пользу тамошняго гражданина. Письмо князя Голицына доказываетъ, напротивъ, что онъ уважалъ и любилъ достойнаго офицера.

ибо наши князья (боляре), старые и молодые, *оказываютъ имъ часте* своими болѣе нежели частыми посѣщеніями. Даже когда меня не бываетъ дома, они не преминуть *покурить* (*) и попить у меня, какъ будто я и не отлучался. Домъ мой очень имъ нравится, и я могу сказать по справедливости, что другаго, лучше устроеннаго, здѣсь нѣтъ». Онъ прибавилъ, что это обетованіе невольне вовлекло его въ лишнія поддержки, но что, при занимаемомъ имъ положеніи, иначе и быть не могло.

Выше было замѣчено, что Лефортъ, увѣдомляя родныхъ о происшествіи своемъ въ полковники, ожидалъ новаго похода. Князь Голицынъ слагалъ всю вину своей неудачи на взѣму гетмана казанова, и теперь отъ Мазепы ожидали энергической поддержки при новомъ предпріятіи на Крымъ. На тамошнюю границу уже были посланы значительные отряды, и, кромѣ того, рѣшено было построить, на рѣкѣ Самарѣ, большую крѣпость, гарнизонъ которой могъ бы удерживать хищниковъ отъ вторженій. Начертать планъ этой крѣпости правительство поручило генералу Гордону. Она была названа Богородицею и на нее смотрѣли, какъ на самую важную опорную точку для предстоявшей кампаніи. Князь В. В. Голицынъ, опять получившій главное начальство надъ собранною въ Сумахъ ратью, прибылъ туда 6-го марта 1689 года. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля войска пошли по лѣвому берегу Днѣпра къ югу и 15-го мая встрѣтились съ татарами, предводимыми самимъ ханомъ. Сраженіе осталось нерѣшеннымъ; татары исчезли, но, попрежнему, стали выжигать траву въ степи. Повторились всѣ бѣдствія предшествовавшей кампаніи: гибель людей и лошадей; однако главнокомандующій дошелъ до предначертанной цѣли—до татарской крѣпости Черекюпа. Въ какомъ положеніи очутилось здѣсь русское войско, явствуетъ изъ того, что лишь только она завладела позиціи передъ Черекюпомъ, какъ получила приказаніе сняться *на другой же день* и предпринять обратный походъ. Въ оправданіе свое князь Голицынъ писалъ, что, будучи замкнутъ съ одной стороны Чернымъ Моремъ, съ другой степью, не имѣя ни провіанта, ни годной къ употребленію воды для людей, ни фуража для лошадей, онъ нашелся вынужденнымъ отступить.

«Отъ полудня до ночи», писалъ Гордонъ, «татары преслѣдовали

(*) Куреніе табуку было главною приманкою, собиравшею русскихъ въ Слободѣ. Графъ Карлейль, англійскій посланникъ, пишетъ: «Московиты любятъ табакъ до того, что охотно все отдадутъ за него. И въ томъ, какъ они *пьютъ* его, заключается убѣдительное доказательство, какое сильное пристрастіе имѣютъ они къ табаку». А между тѣмъ еще былъ въ дѣйствиіи указъ царя Алексѣя Михайловича, постановлявшій смертную казнь за этотъ «грѣхъ».

насъ настойчиво. Опасность была велика, и еще больше былъ страхъ, что ханъ станетъ преслѣдовать насъ всѣми силами. Съ семью полками пѣхоты и съ нѣсколькими полками конными, которые однако не имѣли лошадей, я былъ откомандированъ съ лѣваго фланга для прикрытія арьергарда. Непріятель преслѣдовалъ насъ восемь дней непрерывно, но большой поверхности не приобрѣлъ, потому что не былъ такъ многочисленъ, какъ мы ожидали. Ничто такъ не тяготило насъ на маршѣ, какъ недостатокъ въ водѣ».

12-го іюня русская рать собралась на рѣкѣ Самарѣ; отсюда она двинулась къ рѣкѣ Мерлю, гдѣ, по царскому повелѣнію, и была распущена.

Полковникъ Лефорть возвратился въ Москву съ генераломъ Гордономъ. Онъ, вѣроятно, командовалъ тѣмъ же баталіономъ, что и въ первую крымскую войну; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ состоялъ подъ начальствомъ того же генерала Змѣева. Въ архивѣ Разряднаго Приказа есть списокъ участвовавшихъ во второмъ крымскомъ походѣ генераловъ и полковниковъ; изъ него видно, что Лефорть состоялъ въ одномъ изъ трехъ солдатскихъ полковъ, подчиненныхъ генералу Змѣеву, именно въ Елецкомъ полку. Въ письмахъ его къ роднымъ нѣтъ описанія этого похода; онъ упоминалъ только въ одномъ письмѣ: «москвиты потеряли 35,000 человекъ, 20,000 убитыми и 15,000 плѣнными; 70 пушекъ были брошены, равно и весь военный матеріалъ».

Этотъ печальный походъ имѣлъ неожиданныя послѣдствія: онъ нанесъ рѣшительный ударъ власти правительницы Софіи и ея могущественному фавориту, распоряжавшемуся судьбами государства. Событія, вѣдѣя за тѣмъ совершившіяся, вызвали новый періодъ въ исторіи Россіи и выдвинули Франца Лефорта на широкое поприще.

VII.

Петръ въ первые годы своего царствованія.—Строгія мѣры противъ иностранцевъ.—Завѣщаніе патріарха Іоаннима.—Первыя знакомства Петра съ иноземными офицерами.—Его повязки въ Нѣмецкую Слободу.—Гордонъ и Лефорть.—Когда Петръ приближалъ къ себѣ Лефорта?

Средоточіемъ совершившагося государственнаго переворота была личность младшаго царя, и потому изученіе жизни его до этого рѣшительнаго момента — дѣло чрезвычайной важности. Къ сожалѣнію, необходимые, для удовлетворительнаго рѣшенія такой задачи, документы и неполны, и недостаточны. Преданія о дѣтствѣ и юности семнадцатилѣтняго теперь Петра ограничивались до сихъ поръ немногими от-

рывочными и смутными извѣстіями, по которымъ хотя и можно судить о необыкновенныхъ природныхъ качествахъ царственного юноши, однако они не воспроизводятъ желаемого образа его духовныхъ и тѣлесныхъ свойствъ и силъ, равно и ихъ развитія. Повтореніе подобныхъ разсказовъ о Петрѣ, вошедшихъ въ составъ всѣхъ историческихъ сочиненій, было бы здѣсь и бесполезно, и неумѣстно. Но, съ другой стороны, сохранились краснорѣчивыя и вѣрныя свидѣтельства о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни Петра, до принятія имъ самодержавной власти, и о его богато-надѣленной натурѣ въ депешахъ голландскаго резидента фанъ Келера. Эти депеши, которыми не пользовались донынѣ историки, заключаютъ въ себѣ совершенно новые факты и возвращенія. Относительно же военныхъ занятій Петра-отрока и Петра-юноши есть превосходный матеріалъ въ излѣдованіяхъ покойнаго генерала Рача объ исторіи русской артилеріи, проливающихъ большой свѣтъ на многіе весьма важные пункты. Изслѣдованія Рача, основанныя на документахъ, отысканныхъ авторомъ въ императорскомъ кабинетѣ, восходятъ до самаго ранняго возраста Петра (котораго генералъ Рачъ признаетъ основателемъ артилеріи въ Россіи) и обнимаютъ періодъ военныхъ игръ и послѣдовавшихъ за ними болѣе обширныхъ военныхъ упражненій вѣчнаго юноши (*).

8-го сентября 1685 года, голландскій министр-резидентъ писалъ своему правительству: «Младшему царю минуло двѣнадцать лѣтъ. Природныя качества развиваются во всей его личности весьма выгодно и счастливо; ростъ его высокій, осанка величественная; умъ и разумъ его растутъ видимо, и онъ пріобрѣтаетъ привязанность и любовь каждаго. Онъ любитъ заниматься преимущественно военнымъ дѣломъ, и когда достигнетъ совершеннолѣтія, то навѣрное отъ него можно ожидать подвиговъ храбрости и геройскихъ дѣлъ, равно и обузданія крымскихъ татаръ отъ ихъ насильственныхъ вторженій».

(*). Докторъ Посельтъ, представляя довольно полный очеркъ жизни и занятій Петра до его единодержавія, руководствовался преимущественно депешами фанъ Келера и изслѣдованіями генерала Рача. Мы не можемъ, по тѣснымъ предѣламъ журнальной статьи, вдаваться въ подробности объ этомъ предметѣ, и потому ограничиваемся самыми богатыми указаніями на тѣ факты, приводимые авторомъ въ описаніи Франца Дефорта, которые или находятся въ непосредственной связи съ судьбою любимца и сотрудника Петра, или необходимы, какъ характеристическія черты, для надлежащаго уясненія данной эпохи и лицъ, тогда дѣйствовавшихъ. Любопытствующихъ узнать ближе значеніе военныхъ занятій Петра отсылаемъ къ самому сочиненію генерала Рача: „*Свѣдѣнія о гвардейской артилеріи*“, изъ котораго отрывокъ: „*Бомбардиры въ потѣшныя войска Петра Великаго*“ помѣщенъ въ „*Военномъ Сборникѣ*“ за 1860 годъ, № 1. Тамъ же напечатано и описаніе *Кожуховскаго похода 1694 г.*

Какою популярностью пользовался малолѣтний Петръ, въ періодъ уединенной жизни своей въ Преображенскомъ, между иностранцами Слободы, показала его болѣзнь (въ началѣ 1684 года: оспа, какъ тогда говорили). Голландскій резидентъ считъ нужнымъ извѣстить о томъ свое правительство, и увѣдомилъ, что выздоровленіе Петра произвело общую радость между иностранцами: по этому случаю даны были въ Нѣмецкой Слободѣ празднества и обѣды, въ которыхъ приняли участіе князь Борисъ Голицынъ и многіе придворные бояре.

Тотъ же голландскій резидентъ, извѣщая о смѣломъ шагѣ царевны Софія провозгласить себя третьимъ лицомъ въ государственномъ правленіи (въ 1686 году), прибавилъ: «Здѣсь очень сомнѣваются, чтобы младшій царь, достигнувъ совершеннолѣтія, сталъ благопріятно смотрѣть на такой поступокъ. Замѣчательно, что во всѣхъ многочисленныхъ депешахъ фанъ Келера ничего не говорится о царевнѣ Софіи и о періодѣ ея регентства; равнымъ образомъ ни въ «Дневникѣ» Гордона, ни въ письмахъ Лефорта нѣтъ никакихъ свѣдѣній о сестрѣ Петра и о характерѣ ея правленія. Во всякомъ случаѣ, Лефортъ не былъ и не могъ быть изъ числа недовольныхъ, какъ офицеръ пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ князя В. В. Голицына, и потому, конечно, онъ остерегался передавать въ своихъ письмахъ къ брату что-либо о тогдашнихъ государственныхъ дѣлахъ и о лицахъ ими завѣдывавшихъ.

Намъ предстоитъ теперь говорить о томъ, какъ и когда сблизился Лефортъ съ юнымъ царемъ. Для удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, необходимо войти въ нѣкоторыя предварительныя подробности.

Когда Петръ былъ объявленъ самодержавнымъ государемъ, онъ ничего не измѣнилъ въ основныхъ началахъ государственнаго правленія. Переимѣнились начальники приказовъ, но всѣ дѣла шли по прежней, вѣками проложенной, колѣѣ. Въ самомъ выборѣ своихъ бояръ-сотрудниковъ Петръ едва-ли принималъ участіе: обыкновенно выборъ ихъ приписываютъ бывшему дядкѣ его въ Преображенскомъ, князю Борису Голицыну. По свидѣтельству Гордона, князь Борисъ Голицынъ былъ, во время критическаго положенія въ Троицкой Лаврѣ, «душою всѣхъ совѣщаній и предпріятій, замѣчательнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ человекомъ». Голландскій министр-резидентъ писалъ про него въ 1686 году, что онъ «довѣренный совѣтникъ и любимецъ царя Петра». Мы уже знаемъ, что князь Борисъ неоднократно бывалъ въ Нѣмецкой Слободѣ, но не единственно ради пировъ и

празднествъ, даваемыхъ тамошними жителями: онъ вообще поддерживалъ короткое знакомство съ нѣкоторыми почетными иностранцами, самъ приглашалъ ихъ на свои праздники и нерѣдко видалъ ихъ у себя. Но тогдашнимъ боярскимъ понятіямъ, такое поведеніе князя Бориса относительно «нѣмцевъ» было дѣломъ неслыханнымъ, и именно это—то небывалое и неслыханное дѣло служило доказательствомъ, что князь Борисъ Голицынъ не былъ человѣкомъ ограниченнымъ, одностороннимъ, лишеннымъ всякаго образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ передавалъ молодому царю то, что видѣлъ и слышалъ въ Слободѣ, и здѣсь—то должны заключаться первые слѣды посредничества между Петромъ и иностранцами, жившими въ Москвѣ. Надобно думать, что Петръ сблизился, прежде всего, съ генераломъ Гордономъ во время, такъ называемыхъ, «походовъ», т. е. военныхъ упражненій; по крайней мѣрѣ изъ «Дневника» Гордона видно, что молодой царь все болѣе и болѣе оказывалъ ему довѣрія, къ крайнему неудовольствію патриарха Іоакима, считавшаго этого «еретика» виновникомъ несчастій, постигшихъ русское оружіе.

Изъ того же «Дневника» видно, какъ стѣсненъ былъ въ своей власти молодой царь и патриархомъ, и членами правительственнаго совѣта, и какъ старо-боярская придворная партія принимала всякія мѣры къ замнутости русскаго государства, къ отчужденію его отъ всего иностраннаго. Напримѣръ, управлявшему почтами, Андрею Виніусу, велѣно было распорядиться, чтобы всѣ письма, пересылаемыя чрезъ границу, какъ изъ Россіи, такъ и въ Россію, были прочитываемы и, въ случаѣ надобности, уничтожаемы. Особенно строго исполнялось это относительно Польши. Всѣ стѣснительныя правила объ иностранцахъ соблюдались, попрежнему, безусловно. Однажды Гордонъ спросилъ Петра: можетъ-ли сынъ его, Джемсъ, находившійся тогда въ Варшавѣ, пріѣхать въ Москву и выѣхать изъ Россіи, если пожелаетъ? По смыслу полученнаго отвѣта, отецъ написалъ сыну: «Ты можешь пріѣхать, и если не вступишь въ царскую службу, то воленъ выѣхать; но, разъ опредѣлившись въ службу, долженъ будешь остаться здѣсь». Самъ Гордонъ, несмотря на то, что Петръ отличалъ его и пользовался его совѣтами по военному дѣлу, думалъ поскорѣе выбраться изъ Россіи. Объ этомъ онъ неразъ писалъ своимъ друзьямъ въ Англію (Эбердину, Эролю, Мельфорту, герцогу Гордону), выражая имъ желаніе посвятить свои послѣднія силы королю Іакову; но, прибавилъ онъ, «хуже всего то, что не имѣешь свободы уѣхать, когда того требуютъ обстоятельства».

Гордонъ имѣлъ случай видѣть Петра почти ежедневно, на учеб-

ножъ плацу, на маневрахъ или въ артилерійской лабораторіи; но о дѣятельности его, какъ самостоятельнаго государя, ничего не могъ узнать. Въ одномъ мѣстѣ своего «Дневника», Гордонъ прямо говоритъ: «когда царь Петръ возьметъ въ свои руки правленіе, то....» Петру позволяли заниматься военными играми тѣмъ охотнѣе, чѣмъ легче это отвлекало его отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла, и, въ то же время, негодовали на его сближеніе съ иностранными офицерами. Патриархъ такъ былъ недоволенъ частыми свиданіями царя съ Гордономъ, что когда, однажды, Петръ пригласилъ генерала на обѣдъ въ Преображенское (28-го февраля 1690 года), то Іоакимъ протестовалъ противъ допущенія еретика-иноземца къ царскому столу. Царь послушался патриарха, но на другой же день пригласилъ своего военного руководителя въ подгородное помѣстье (вѣроятно, къ одному изъ своихъ сторонниковъ-бояръ). «Здѣсь обѣдалъ я съ его величествомъ за однимъ столомъ, а на возвратномъ пути царь много разговаривалъ со мною», отиѣтилъ Гордонъ въ своемъ «Дневникѣ».

Вскорѣ послѣ этого патриархъ Іоакимъ умеръ (17-го марта 1690), оставивъ духовное завѣщаніе на имя обомъ царей, которое, однако, по содержанію своему, касалось, очевидно, Петра, потому что только въ обращеніи Петра съ иновѣрцами, въ его занятіяхъ науками и военными играми, видѣлъ онъ опасность, грозившую православію и государству. Патриархъ завѣщалъ изгнать изъ Россіи всѣхъ чужеземцевъ и враговъ православной церкви; онъ умолялъ царей, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не усвоивали себѣ иноземныхъ обычаевъ, нравовъ, образа жизни и одежды, не входили ни въ какіе разговоры съ иновѣрцами и не позволяли имъ отправлять еретическое богослуженіе, а если гдѣ уже построены кирки и часовни, по близости православно-христіанскихъ домовъ или между ими, то разрушить ихъ какъ сатанинскія сборища. Патриархъ говорилъ, что ничего добраго не можетъ выйти изъ того, если еретикъ, невѣрный, будетъ владычествовать надъ православными христіанами въ богоспасаемомъ русскомъ царствѣ, управлять или руководить ими, и ссылался на правительницу Софію и князя Голицына, непослушавшихся его совѣта (*).

Не трудно представить себѣ, какое тяжелое впечатлѣніе должна была произвести послѣдняя воля главы церкви на молодого царя, душа котораго стремилась къ широкому простору, который чув-

(*). Еще покойный Полевой сообщалъ этотъ любопытный документъ въ своемъ «Обозрѣніи исторіи Петра Великаго», а Снегиревъ недавно напомнилъ о духовномъ завѣщаніи Іоакима въ «Православномъ Обзорѣннѣ» 1862 года, въ сентябрьской книжкѣ.

ествовалъ уже потребность, хотя и неполнѣ сознаваемую, идти другимъ путемъ. Между тѣмъ, воля Петра, какъ цара, была стѣснена до того, что, при выборѣ новаго патріарха, не обратили вниманія на его желаніе видѣть главою церкви псковскаго митрополита Маркела, человека ученаго и образованнаго: назначили патріархомъ митрополита казанскаго Адріана именно потому, что Маркель обладалъ слишкомъ обширными познаніями. Старо-боярская партія страшилась, чтобы этотъ ученый мужъ не поддерживалъ католиковъ и другихъ иновѣрцевъ.

30-го апрѣля 1690 года—стало быть, шесть недѣль спустя послѣ смерти Іоаннима — нитѣмъ неожиданное событіе изумило и смутило, можно сказать ужаснуло, Москву: самодержецъ всея Россіи посѣтилъ домъ чужеземца, иновѣрца, того самаго, противъ котораго такъ недавно еще возставалъ покойный патріархъ!... Подъ вышеприведеннымъ числомъ, Гордонъ отмѣтилъ: «Его величество, съ боярами и со знатными придворными, ужиналъ у меня и былъ очень веселъ».

И такъ, старому, заслуженному воину вышло на долю *стеремы* принимать и угощать у себя въ домѣ, въ Нѣмецкой Слободѣ, молодого цара. Петръ уже былъ знакомъ со многими иностранцами; это доказывается тѣмъ, что 1-го и 2-го мая они принимали участіе въ прогулкѣ его по Москвѣ-рѣкѣ (*). Кроме того, они были допущены къ торжественному правднеству, происходившему въ день рожденія Петра (30-го мая), и угощаемы наравнѣ съ русскими. 3-го сентября царь опять почтилъ одного изъ обывателей Нѣмецкой Слободы своимъ посѣщеніемъ и обѣдалъ у него. Это былъ генераль-маіоръ Лефорть. Здѣсь въ первый разъ имя Лефорта встрѣчается рядомъ съ именемъ Петра. Вскорѣ потомъ, 23-го сентября, царь присутствовалъ при семейномъ праздникѣ генерала Гордона—при бракосочетаніи его дочери.

Вообще, начиная съ осени 1690 года, Петръ все чаще и чаще сталъ появляться въ Нѣмецкой Слободѣ и посѣщать жителей ея. Онъ чувствовалъ здѣсь себя свободнѣе, узнавалъ многое, для него совершенно новое, изъ разговоровъ съ просвѣщенными и образованными иностранцами; ему нравилось здѣшнее общество, столько отличное отъ общества бояръ. Первое время Петръ посѣщалъ только короче знакомыхъ ему военныхъ людей, Гордона и Лефорта, и, въ бесѣдахъ съ ними, велъ рѣчь преимущественно о военныхъ предметахъ. Нерѣдко проводилъ онъ у нихъ цѣлыя дни и оставался даже ночевать. Предположеніе, будто главною приманкою для молодого

(*) „Дневникъ“ Гордона, II, 302.

царя было угощеніе, ѣда и питье, не выдерживаетъ критики. Много ли могли предложить ему Гордонъ и Лефортъ, люди съ ограниченными средствами къ жизни, особенно Лефортъ? Не надобно забывать, что царь прѣзжалъ обыкновенно не одинъ, а въ сопровожденіи иногда *ста* человѣкъ. Какими же денежными средствами надлежало обладать, что бы постоянно угощать дорогими заморскими винами такое множество посѣтителей? Чужеземные посланники, министры-резиденты, именитые купцы устраивали, конечно, большіе пиры и праздники; но нигдѣ нѣтъ указаній, что бы на такихъ пирахъ и праздникахъ происходили бурные скандалы (какъ, напримѣръ, на боярскихъ пирахъ), случалось что-либо выступавшее за предѣлы западной цивилизованной жизни. Пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, у какого-бы то ни было народа, у англичанъ, у голландцевъ или у нѣмцевъ, лежало въ духѣ времени; однако этой страсти платили дань на столько, что, говоря вообще, она не парализовала ни обычной дѣятельности представителей названныхъ національностей, ни свойственного имъ трудолюбія. Такъ было и въ Нѣмецкой Слободѣ, и, на основаніи сохранившихся свидѣтельствъ, нельзя обвинять образованныхъ жителей ея въ чрезвычайномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ.

Чѣмъ чаще бывалъ Петръ у Гордона и у Лефорта, тѣмъ болѣе увеличивалось число членовъ корпуса офицеровъ и другихъ сословій, съ которыми онъ знакомился въ Слободѣ. Его открытая, прямая натура, его безпритязательное, привѣтливое обращеніе внушали каждому довѣріе, поселяли въ каждомъ непринужденность и всѣ охотно и свободно отвѣчали на распросы молодого царя о разныхъ предметахъ западно-европейскаго быта. Именно въ это время, и даже съ 1689 года, господствовала между обывателями Нѣмецкой Слободы весьма возбужденная политическая жизнь, которая не могла не интересоваться любознательнаго царственнаго юноши. Она обусловливалась существовавшими между ними разнообразными взглядами и стремленіями. Съ одной стороны, религіозные вопросы, съ другой, политическія событія въ западной Европѣ раздѣляли жителей Слободы на двѣ партіи. Католики негодовали на строгія мѣры, принятія русскимъ правительствомъ противъ ихъ духовенства, особенно противъ отцовъ-іезуитовъ, и скрывали свое раздраженіе тѣмъ менѣе, что считали виновниками этихъ мѣръ послѣдователей евангелическаго исповѣданія. Что же касается политики, то, послѣ изгнанія изъ Англіи католически-настроеннаго Іакова II и провозглашенія королею Вильгельма Оранскаго, послѣдователи римской церкви принимали живѣйшее

участіе въ войнѣ, возникшей между Вильгельмомъ Оранскимъ и Людовикомъ XIV, то есть держали сторону французовъ, тогда какъ всѣ симпатіи протестантовъ стремились къ англичанамъ и голландцамъ. Баронъ фанъ Келеръ, постоянно сообщавшій Петру извѣстія о военныхъ событіяхъ въ западной Европѣ, свидѣтельствуетъ, что сочувствіе Петра принадлежало Вильгельму Оранскому.

Жители Нѣмецкой Слободы скоро оцѣнили высокія достоинства вѣнчаннаго юноши и высказывали о немъ, еще въ 1692 году, такія мнѣнія и сужденія, которыя, если можно такъ выразиться, послужили пьедесталомъ памятника, воздвигнутаго себѣ Петромъ въ исторіи. Голландскій министр—резидентъ прежде всѣхъ называлъ Петра «*юнымъ герцогомъ*» (въ іюнѣ 1692), а вскорѣ потомъ писалъ своему правительству о «*великомъ царѣ* Петрѣ Алексѣевичѣ» (въ декабрѣ того же года). Эти вѣщія слова тѣмъ менѣе допускаютъ сомнительное значеніе или толкованіе ихъ, что и Лефорть, почти въ то же время, именовалъ Петра, въ письмахъ своихъ къ брату, «*notre grand empereur*», или «*la grande Majesté Pierre Alexewicz*». Точно такъ же отзывался о Петрѣ и датскій комиссаръ Бутенантъ. Если Гордонъ, упоминая въ своемъ «Дневникѣ» о Петрѣ, употребляетъ сокращенныя слова «*the G.*» или «*the Gr.*», то эти сокращенія слѣдуетъ принимать не въ смыслѣ русскаго слова: «*Gossudar*», а какъ прилагательное «*the Great*» (великій), ибо вскорѣ потомъ (въ 1694 г.) Гордонъ писалъ уже вполне «*the great Shipper*», а потомъ нѣсколько позже «*the great Bombardirer*». Престарѣлый, многоиспытанный воинъ и умный человѣкъ, имѣвшій всѣ случаи наблюдать молодого царя въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и составить себѣ о немъ вѣрное понятіе, не могъ удержаться чтобы не придавать двадцатилѣтнему властелину Россіи, какъ бы пророчески, имя «*великаго*». То же самое должно сказать и о баронѣ фанъ Келерѣ, человѣкѣ также умномъ, дальновидномъ, умудренномъ опытами. И признанія этихъ двухъ иноземцевъ имѣютъ, безспорно, тѣмъ высшую цѣну, что они не предназначались для гласности, а были, болѣе или менѣе, конфиденціальными заявленіями.

Ограничиваемся этими немногими фактами, касающимися Петра до сближенія его съ Лефортомъ; но, повторяемъ, необходимо постоянно имѣть въ виду всѣ донныя извѣстныя черты характера и дѣяній великаго преобразователя, для вѣрной оцѣнки того, кого онъ удостоилъ своимъ безпредѣльнымъ довѣріемъ и истинною дружбою. Только при такомъ условіи возможно вѣрное рѣшеніе вопроса: единственно-ли потому Петръ приблизилъ къ себѣ женеваго гражданина, что Ле-

форть умѣлъ доставлять молодому царю всякаго рода забавы, или Лефорть своими дѣлами стяжалъ право на почетное мѣсто въ исторіи Россіи?

И такъ, когда же Петръ приблизилъ къ себѣ Лефорта?

На этотъ вопросъ даваемы были самыя разнообразныя, нерѣдко одинъ другому противорѣчившіе, отвѣты, высказываемы были многочисленныя, большею частію ошибочныя, догадки.

Говорили, наприимѣръ, будто Лефорть сблизился съ Петромъ еще въ Преображенскомъ, гдѣ руководилъ его военными играми и сформированіемъ «потѣшныхъ» и, такимъ образомъ, имѣлъ возможность сообщать любознательному отроку свѣдѣнія о разныхъ предметахъ; словомъ, нѣкоторые писатели смѣло высказывали, что Лефорть былъ первымъ учителемъ Петра. Это мнѣніе давно опровергнуто историческою критикою. Корбъ, секретарь ринско-императорскаго (австрійскаго) посольства, упомянувъ о расширеніи правительницы Софій съ Петромъ и о пребываніи послѣдняго въ Троицкомъ Монастырѣ, пишетъ о Лефортѣ: «Въ то опасное время, когда колебалась вѣрность не одного человѣка при соображеніи, чью сторону принять, потому что еще нельзя было предвидѣть исхода бури; когда фортуна какъ бы еще сомнѣвалась, кому достанется столь огромное владычество, въ это—то нерѣшительно—роковое время, Лефорть посѣщилъ, съ неинегни изъ своихъ солдатъ, въ Троицкъ.... Благодаря такому, никогда ничѣмъ неопраченному, шагу вѣрности въ опаснѣйшемъ положеніи, возвысился онъ на ту степень царской любви, которую даже несправедливость завистниковъ должна признать заслуженною». Если бы все это действительно случилось такъ, то подобный подвигъ ни для кого не былъ бы тайною и о немъ засвидѣтельствовалъ бы каждый житель Нѣмецкой Слободы. Между тѣмъ, кромѣ Корба, никто изъ современниковъ не упоминаетъ о разсказанномъ имъ случаѣ. Даже зять генерала Патрика Гордона, Александръ Гордонъ, находившійся въ близкомъ родствѣ съ Лефортомъ, хотя и не расположенный къ нему, не подтверждаетъ сказанія австрійскаго секретаря и не передаетъ самъ ничего подобнаго. Нѣтъ о троицкомъ событіи извѣстій и у капитана Джона Перри (The State of Russia), служившаго въ царской службѣ и, безспорно, интересовавшагося всѣмъ, что касалось возвышенія Лефорта. Въ первомъ обширномъ, на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненіи о царствованіи Петра (*) хотя и подтверждается сказаніе

(*) Это сочиненіе было напечатано, въ 1710 году, во Франкфуртѣ и въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: „Des grossen Herren's Petri Alexiewiz Leben und Thaten etc“.

Борба, но авторъ его никогда не бывалъ въ Россіи и не имѣлъ подлѣ рукой непосредственныхъ источниковъ.

Чтобы добраться до истины, надобно принять въ соображеніе хронологическую послѣдовательность фактовъ.

Лефортъ, какъ сказано, возвратился въ Москву, изъ втораго крымскаго похода, вмѣстѣ съ генераломъ Гордономъ. Когда возникла борьба между Софіей и Петромъ, стрѣльцы (кромя одного полка) и солдатскіе полки повиновались правительницѣ и не смѣли сдѣлать шага за царя Петра, который вначалѣ былъ окруженъ только своими бомбардирами, стрѣльцкимъ полкомъ Сухарева и немногими людьми, взятыми изъ городовъ и уѣздовъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла 1-го сентября. 4-го числа этого мѣсяца прислано было изъ Троицкаго Монастыря повелѣніе всѣмъ иновѣрнымъ генераламъ, полковникамъ и прочимъ офицерамъ прибыть, въ полномъ снаряженіи и вооруженіи, къ его царскому величеству. Гордонъ собралъ къ себѣ офицеровъ и сообщилъ имъ содержаніе полученнаго предписанія. Офицеры замѣтили, что предварительно надобно послать въ Кремль спросить: будетъ ли позволено отправиться къ младшему царю? Самъ Гордонъ былъ у князя Василя Голицына, и хотя, разувѣтая, возвратился въ Слободу безъ отвѣта, однако въ тотъ же вечеръ выступилъ со своимъ полкомъ. На другой день онъ отмѣтилъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Отбытіе иновѣрныхъ офицеровъ въ Троицъ рѣшило дѣло. Теперь каждый громко высказался въ пользу младшаго царя».... Следовательно, прежде о Петрѣ не было рѣчи.... И такъ, если держаться разсказа генерала Гордона, то самъ собою возникаетъ вопросъ: когда же полковникъ Лефортъ, «съ немногими изъ своихъ солдатъ», отправился въ Троицкій Монастырь и отдалъ себя въ распоряженіе младшаго царя? Это могло быть, безспорно, прежде 4-го сентября, ибо, иначе, рассчитанный шагъ его не имѣлъ бы значенія. Лефортъ, жившій въ Слободѣ въ кругу родныхъ и друзей, не могъ не знать образа мыслей Гордона и зятя его, полковника Страсбурга, о тогдашнемъ положеніи дѣлъ, и эти близкіе его родственники, конечно, не одобрили бы его выходки, единичной, стало быть и бевполезной. Да онъ и не имѣлъ къ ней повода, какъ офицеръ пользовавшійся покровительствомъ князя В. В. Голицына, а князь Голицынъ только 4-го или 6-го сентября убѣдился въ неблагопріятномъ для себя оборотѣ дѣлъ. Звѣзда князя еще не погасала до этихъ часелъ, и изъ Троицка получались примирительныя извѣстія относительно могущественнаго министра. Какъ же могъ полковникъ Лефортъ уйти тайно въ Троицкую Лавру съ немногими солдатами, да и были ли увѣрены

тогда иноземные ратные люди въ томъ, что они выиграютъ, если примутъ сторону младшаго царя? Допустимъ, что въ монастырѣ находился другъ и покровитель Лефорта, князь Борисъ Голицынъ, который могъ быть ему полезна; но не слѣдуетъ забывать, что самъ князь Борисъ все еще думалъ доставить своему двоюродному брату милость Петра. Допустимъ даже, что Лефортъ, рассчитывая на награду со стороны младшаго царя, тайно ушелъ къ нему въ Троицкѣ и здѣсь былъ отличенъ Петромъ; но какъ согласовать съ такимъ фактомъ слѣдующія соображенія:

1) Если бы Лефортъ находился, вмѣстѣ съ Гордономъ, сначала въ монастырѣ, а потомъ при предпринятыхъ отсюда четырнадцатидневныхъ маневрахъ и былъ просто замѣченъ, а не отличенъ Петромъ, то почему же имя его нигде не встрѣчается, въ продолженіе этого времени, въ «Дневникѣ» Гордона? Какую бы необъяснимую роль онъ ни игралъ, Гордонъ навѣрное упомянулъ бы, что его другъ и родственникъ былъ въ числѣ окружающихъ царя. Тогда не существовало повода къ зависти или ревности между обоими родственниками, и одинъ изъ нихъ съ удовольствіемъ видѣлъ бы вниманіе государя къ другому, если бы дѣйствительно оно имѣло мѣсто. Весной 1690 года Петръ посѣтилъ Гордона въ Слободѣ, и, какъ сказано, это было первое посѣщеніе царемъ дома иноземца. Если бы между Петромъ и Лефортомъ уже существовали тогда какія-либо особенныя отношенія, то царь навѣрное отличилъ бы своимъ посѣщеніемъ и его домъ, тѣмъ болѣе, что многимъ изъ приближенныхъ къ Петру нравилось быть въ благоустроенномъ домѣ Лефорта. Впослѣдствіи, когда Петръ впервые навѣстилъ Лефорта, и затѣмъ при всякомъ новомъ пріѣздѣ царя, Гордонъ непремѣнно отмѣчалъ всѣ эти случаи.

2) Если бы сказаніе секретаря австрійскаго посольства согласовалось съ истиною, то непостижимо, почему ни самъ Лефортъ, ни друзья, ни знакомые его, ни однимъ словомъ не упомянули о фактѣ въ сохранившихся донынѣ письменныхъ документахъ. Свидику города Женева, Ами Лефорту, было бы крайне пріятно узнать, что братъ его въ Москвѣ имѣлъ счастье понравиться молодому царю и, конечно, сдѣлалось бы извѣстнымъ, какъ это случилось. Другъ Лефорта, датскій резидентъ Бутенантъ фонъ-Розенбушъ, тоже не умолчалъ бы о подробностяхъ, когда, 6-го января 1691, писалъ въ Женеву: «Недавно его величество обѣдалъ у него (Лефорта) и общалъ, что это не въ послѣдній разъ». Если, основываясь на словахъ письма Бутенанта, допустить, что рѣчь идетъ о *первомъ* посѣщеніи

Петромъ Лефорта, то, по «Дневнику» Гордона, оно приходится на 3-е сентября 1690 года. Стало быть, *прежде* Лефортъ не имѣлъ чести видѣть у себя царя. Но отнынѣ возникаютъ новыя особенныя отношенія. 16-го октября Петръ исполнилъ свое обещаніе, пріѣхавъ къ обѣду и оставаясь у Лефорта до вечера; потомъ онъ пріѣзжалъ вечеромъ 25-го того же мѣсяца, и съ тѣхъ поръ посѣщенія участились. 7-е и 27-е ноября, 7-е и 8-е декабря, 4-е января 1691 года и т. д. были тѣ дальнѣйшіе моменты, въ которые Петръ не только обѣдалъ и ужиналъ, но и ночевалъ у Лефорта.

Этотъ хронологическій перечень пріѣздовъ молодого царя въ Нѣмецкую Слободу и соединенныя съ ними посѣщенія Лефорта и Гордона дадутъ, безспорно, ключъ къ разъясненію тѣхъ отношеній, которыя постепенно возникали между Петромъ и Лефортомъ. Оказывается, что сближеніе между обоими основывалось на индивидуальности послѣдняго.

Если Лефортъ, по случаю рожденія перваго сына Петра, царевича Алексѣя (18-го февраля 1690), былъ произведенъ въ генераль-майоры, то, и по признанію самого Лефорта, и по письмамъ Бутенанта, не должно считать этого какою-либо особенною милостію: чинъ былъ данъ ему за отличіе, оказанное въ обихъ крымскихъ походахъ. Если же, вдобавокъ, въ это самое время шла рѣчь о возвращеніи Лефорта въ Женеву, вѣроятно по требованію старшаго брата, то здѣсь очевидно доказательство неувѣренности Лефорта въ будущемъ, отсутствіе надежды упрочить свою судьбу милостями молодого государя. Только въ концѣ 1690 года обнаруживается отличіе Лефорта Петромъ. 6-го января 1691 года Бутенантъ писалъ Ами Лефорту: «Онъ (Лефортъ) пользуется благоволеніемъ нашего монарха и дружбою всѣхъ вельможъ при дворѣ», и прибавилъ: «ему (Лефорту) будетъ стоить большого труда уѣхать отсюда, ибо благородный государь, почтившій его своею любовью, не отпуститъ такого достойнаго офицера и слугу, какъ вашъ братъ. Да и самъ онъ не посмѣетъ заговорить о томъ, изъ боязни навлечь на себя непріятности; ибо вамъ извѣстно, что государь требуетъ благодарности за милость, оказываемую слугѣ, въ доказательствахъ еще большей вѣрности».

И однакожь, при всемъ предпочтеніи, оказанномъ Лефорту со стороны Петра, ошибочно было бы думать, что онъ, уже въ эту пору, занялъ мѣсто царева любимца. Это случилось только въ теченіе 1691 года, о чемъ есть любопытныя свѣдѣнія въ письмахъ того же датскаго резидента Бутенанта, 12-го декабря писавшаго свидѣку

Али Лефорту: «Возвышеніємъ своимъ на весьма почетную степень братъ вашъ обязанъ болѣе своей добродѣтели и благородству своей души, нежели *нашему* ходатайству; ибо все, что мы могли сдѣлать для него, состояло лишь въ томъ, чтобы показать его величеству и первымъ придворнымъ особамъ по сущей истинѣ, къ какой почетной и знаменитой фамилии принадлежать онъ, и что, въ этомъ отношеніи, вашъ братъ достоинъ занимать высокія должности, безъ ущерба ихъ значенію. Потому имѣлъ онъ столь возвысился, что его, дѣйствительно, можно назвать первымъ любимцемъ нашего великодушнаго монарха». Слѣдовательно, лишь спустя довольно долгое время, отношенія Лефорта къ Петру сложились такъ, что онъ сталъ его любимымъ и довѣреннымъ лицомъ, и это имѣло источникомъ не прихоть, не накія-либо наружныя качества, не привлекательность свѣтскаго обращенія, но основывалось на совершенно много свойства моментахъ. Возвышеніе иноземца на степень приближеннаго къ царю произошло не разомъ, не необдуманно: оно совершилось послѣ того, какъ предварительныя соображенія и испытанія показали въ Лефортѣ достойнаго человѣка. Не одинъ Петръ, но и первые сановники двора—вѣроятно также и царица-мать, и вся царственная семья—рѣшились прежде собрать свѣдѣнія и о родѣ Лефорта, и о характерѣ женеваго гражданина. Коль скоро было дознано, что онъ происходитъ отъ благороднаго и именитаго рода, то всѣ знавшіе Лефорта, въ продолженіе жизни его въ Россіи, тѣмъ легче могли сослаться на его прошлое. Подобно тому, какъ прежній покровитель Лефорта, князь В. В. Голицынъ, отзывался о немъ въ письмѣ своемъ на имя женеваго сената, такъ и теперь была рѣчь лишь о его добродѣтели и благородствѣ души» (*bonne vertu et générosité*, по выраженію Бутенанта), дѣлавшія его достойнымъ высокаго положенія. Личныя достоинства Лефорта избавляли его друзей отъ всякихъ рекомендацій царю или приближеннымъ сановникамъ.

Почему же изъ всѣхъ жителей Нѣмецкой Слободы выборъ Петра палъ именно на Лефорта?

Обыкновенно утверждаютъ, и при этомъ сожалеютъ, что любознательный и столь высоко-даровитый юный государь сходился въ Нѣмецкой Слободѣ лишь съ людьми низкаго рода, необразованными, сомнительно-правственными—съ авантюристами, какъ часто называютъ ихъ—и до того полюбилъ ихъ сообщество, что вполне предался имъ. Въ подобной средѣ, говорятъ, Петръ нашелъ соответственную пищу своему пламенному, страстному характеру; но люди этого кружка могли, по своимъ позваніямъ, имѣть лишь ограничен-

ное образовательное вліаніе на царственнаго юношу, и потому Петръ усвоилъ себѣ будто бы одну поверхность, страсть къ подражанію, неосновательность. Выставляли также на видъ, будто иностранная подѣ Москвою колонія, извѣстная подѣ названіемъ Нѣмецкой Слободы, была пріютомъ бездомныхъ пришельцевъ съ Запада, имѣвшихъ въ виду одни матеріальные, своекорыстные интересы, что о высокой степени культуры между ними не могло быть и рѣчи; слѣдовательно нечего говорить о благотворномъ вліаніи такихъ авантюристовъ на умственное образованіе Петра.

Вопросъ этотъ требуетъ строгаго изслѣдованія.

Соціальная жизнь многихъ иноземныхъ офицеровъ и негоціантовъ Нѣмецкой Слободы, ихъ нравы, привычки, свидѣтельствуютъ, что они были представителями тогдашней западной цивилизаціи, что они не переставали быть въ сношеніяхъ съ Западомъ и усвоивали себѣ плоды совершавшагося тамъ неступательнаго движенія. Самая домашняя обстановка ихъ не имѣла ничего общаго съ незатѣливой обстановкою жилищъ именитѣйшихъ и богатѣйшихъ русскихъ бояръ, и именно потому такъ нравилась боярамъ, принимавшимъ участіе въ празднествахъ и пирахъ почетныхъ жителей Слободы. Что еще задолго до Петра русскіе цари сознавали необходимость въ извѣстнаго рода услугахъ иноземцевъ, это неоспоримо. Основатель иностранной колоніи подѣ Москвою, Иванъ Грозный, пользовался ихъ услугами; точно также и ближайшіе преемники его старались призывать изъ-за границы въ русскую землю людей ратныхъ, врачей и хирурговъ, торговцевъ и промышленниковъ; но почва, на которой предстояло дѣйствовать призваннымъ иноземцамъ, была невосприимчива: русскіе не только не сближались съ ними, но презирали и ненавидѣли ихъ, и единственно въ случаѣ военныхъ дѣйствій охотно допускали ихъ услуги. Царь Михаилъ Феодоровичъ на вербовалъ значительное число чужеземныхъ воиновъ, которые, по его плану, должны были найти новое отечество въ Россіи и заняться организаціей русскихъ военныхъ силъ. Эти-то ратные люди и образовали ядро колоніи на берегахъ Яузы; они-то и были типомъ той необузданной сволочи, тѣхъ пресловутыхъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ, которые такъ неустовствовали въ тридцатилѣтнюю войну. Но, кѣтъ черезъ двадцать, такихъ ратныхъ людей мало оставалось въ Россіи, и потому царь Алексѣй Михайловичъ, въ виду возобновенія войны съ западными и сѣверо-западными соседями, опять употребилъ чужеземныя силы для реорганизаціи военной части. Сформированъ былъ отрядъ изъ англичанъ и шотландцевъ, которые, покинувъ отечество по причм-

павъ религіознымъ и политическимъ, предложили царю свои услуги. Это уже не были прежніе наемники; между ними находились люди не только опытные въ ратномъ дѣлѣ, но образованные и добропорядочные. Имена Друмонта, Дадейля, Крауфорда, Бокговена и другихъ служить порукою, что въ средѣ новыхъ иноземныхъ воиновъ господствовалъ лучшій духъ, и что они были способны оказать царю существенныя услуги, какъ-то и обнаружилось въ военныхъ дѣйствіяхъ и при формированіи отборныхъ «солдатскихъ» полковъ. Эти послѣдніе полки должны были быть рассадникомъ для русскихъ собственно войскъ, а иноземные офицеры предводительствовать ими. Возникли, такимъ образомъ, два отряда, послужившіе кадрами многочисленной рати царя Алексѣя въ продолженіе его тринадцатилѣтнихъ войнъ. Старшіе и младшіе военные люди, какъ, напримѣръ, датчанинъ Бауманъ, французъ Сугэ, шотландцы и англичане Патрикъ Гордонъ, Павелъ Менезесъ, Ландельсъ, Гамильтонъ, Цейгъ, Траурнихтъ и многіе другіе, жизнь и дѣла которыхъ менѣе известны, присоединились въ армію, съ которою царь одержалъ побѣду надъ поляками. Они заявили себя солдатами честными и храбрыми. Для корпуса офицеровъ имѣло важное значеніе то обстоятельство, что царь Алексѣй самъ неоднократно принималъ участіе въ походахъ и лично убѣждался въ дѣйствіяхъ и заслугахъ нѣкоторыхъ иноземныхъ офицеровъ. Потому, когда, въ 1666 году, при роспускѣ большой рати, уволены были многіе офицеры изъ чужеземцевъ, онъ умѣлъ сдѣлать изъ нихъ выборъ такихъ лицъ, которыхъ считалъ для своихъ цѣлей полезными. Эти лица заняли совершенно другое положеніе, нежели прежніе наемники: они были приближены къ царю и на нихъ возлагались различныя порученія. И сами они старались держаться на тѣхъ большей высотѣ, чѣмъ образованнѣе и именитѣе были кружки, изъ которыхъ происходили. Среди такого рода иноземцевъ не могъ имѣть мѣста буйный духъ наемныхъ солдатъ, и они тѣмъ тѣснѣе сближались со своимъ новымъ отечествомъ, чѣмъ ярѣнче водворялись между ними условія семейной жизни. Такимъ образомъ, между иноземными офицерами, главнымъ мѣстопребываніемъ которыхъ была Нѣмецкая Слобода, возрасло новое поколѣніе, основалась жизнь, болѣе соответствовавшая условіямъ цивилизаціи.

Этому содѣйствовали существенно и другія причины, и, прежде всего, международныя отношенія Россіи къ прочимъ государствамъ Европы. Царь Алексѣй Михайловичъ далъ новое положеніе своему государству относительно не только сопредѣльныхъ Россіи земель, но и

западныхъ державъ. Когда, въ началѣ восьмага десятилѣтія, пламя войны охватило почти всю Европу; царь не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ, потому что военныя дѣйствія происходили недалеко отъ русскихъ предѣловъ и легко могъ встрѣтиться поводъ къ принятію участія въ войнѣ. Этими обстоятельствами вызывались, съ одной стороны, частые дипломатическіе переговоры, съ другой разнообразныя тайныя происки и интриги. Прибытіе въ Москву западныхъ посольствъ: римскаго императора, Голландіи, Даніи, Швеціи, Англіи, Польши, Бранденбурга, при Алексѣе и послѣ него, свидѣтельствуесть и объ измѣнившемся положеніи русскихъ государей, и о духовныхъ и матеріальныхъ отношеніяхъ извѣстнаго класа жителей Нѣмецкой Слободы. Исторія многихъ изъ поименованныхъ дипломатическихъ мисій проливаетъ свѣтъ на важныя, неожиданныя явленія, и выставляетъ между иноземцами людей знакомыхъ съ государственнымъ дѣломъ. Историческія, международныя и народнохозяйственныя знанія почетныхъ обывателей Слободы показываютъ, что въ дѣлѣ цивилизаціи они не уступали западнымъ дипломатамъ, а ихъ внѣшняя жизнь подтверждаетъ, что они вполне слѣдили за соціальными и экономическими успѣхами своихъ соотечественниковъ. Оттого иноземные посланники, прибывъ въ Москву, спѣшили завязать знакомство съ вліятельнѣйшими лицами Нѣмецкой Слободы, старались образовать здѣсь, для своихъ интересовъ, партіи, давали пиры, обѣды, устраивали разныя потѣхи, въ которыхъ, какъ мы видѣли, принимали участіе приближенные ко двору князья и бояре. Депеши голландскаго министра-резидента фанъ Келера заключаютъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній по этому предмету: онѣ несомнѣнно доказываютъ, что въ колоніи, на берегахъ Яузы, усердно занимались политикою, и что соціальная жизнь имѣла здѣсь такія же формы, какъ и въ большихъ городахъ тогдашней западной Европы. Акредитованные при русскомъ дворѣ агенты (кромѣ голландскаго, датскій, шведскій, а позже и польскій) образовывали, вмѣстѣ съ представителями военнаго сословія, науки, торговли и промышленности, кружокъ подобныхъ общественныхъ манифестацій.

Германскій характеръ жителей Нѣмецкой Слободы проявлялся особенно въ двухъ видахъ: въ заботливости дать возрастающему поколѣнію моральное и умственное образованіе и въ семейной жизни. При двухъ лютеранскихъ церквахъ, съ двумя пасторами, и при церкви реформатской существовали, по протестантскому обычаю, школы (*), наставники для которыхъ выписывались изъ Германіи. Прав-

(*) Школа при лютеранской церкви Св. Михаила, въ Нѣмецкой Слободѣ, су-

да, по самому духу такихъ церковныхъ школъ, обученіе въ нихъ ограничивалось элементарнымъ курсомъ, но все же новое поколѣніе получало здѣсь необходимое для практической жизни умственное образованіе, приучалось къ порядку, къ дисциплинѣ, къ труду; достаточные же родители, не довольствуясь первоначальнымъ обученіемъ своихъ дѣтей, или выписывали для нихъ особенныхъ учителей, или посылали ихъ учиться за границу, на родину. Такъ сдѣлали Гордонъ и Лефортъ. Каково бы, впрочемъ, ни было, въ качественномъ отношеніи, школьное образованіе, получаемое дѣтьми жителей Слободы, довольно того, что заботливость о немъ здѣсь, какъ и въ западно-европейскихъ земляхъ, была жизненнымъ началомъ, и что въ вспомогательныхъ средствахъ—въ книгахъ, въ картахъ, въ планахъ и инструментахъ—недостатка не было. Наконецъ, пельва оставить безъ вниманія и того, что, кромѣ пасторовъ, при лютеранскихъ и реформатской церквахъ, и учителей при школахъ, въ Слободѣ жило немалое число ученыхъ людей, каковы, напримеръ, доктора медицины Лаврентій Блюментростъ, фанъ деръ Гульстъ, Карбонари, Пеларино, хирурги и аптекари. Они, располагая материальными средствами, могли совершенствовать свои познанія и давать основательное образованіе своимъ дѣтямъ.

Всѣ эти элементы духовнаго развитія проявлялись, какъ вездѣ въ Германіи, такъ и въ колоніи на берегахъ Яузы, особенно замѣтно въ семейной жизни, германскій характеръ которой основывался на религіозности, на нравственности и честности, рядомъ съ дѣятельностію и съ трудолюбіемъ. Жена и дѣти помогали главѣ семейства въ его занятіяхъ; всѣ преслѣдовали реальную цѣль и всѣ приобретали одинаковыя права на отдохновеніе и на удовольствія. Домъ, собственное жилище, былъ для германцевъ самымъ любимымъ пріютомъ; на него устремляли она все вниманіе; въ немъ искали они радостей и наслажденій. Музыкальныя и театральныя развлеченія, танцы (*), маскаралы, общественныя игры имѣли мѣсто только тогда, когда въ нихъ можно было принять дѣятельное участіе. Такъ

шествуетъ и до сихъ поръ. Къ ней обучаются не одни нѣмцы, но и русскіе мальчики, и хотя, по размѣрамъ своимъ, она уступаетъ петровской школѣ въ Петербургѣ, но даетъ средства къ основательному образованію, въ предѣлахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Школа эта давно пользуется заслуженною извѣстностію.

(*) Петръ скоро полюбилъ эти танцевальныя общества или балы и охотно принималъ въ нихъ участіе. Особенно интересовалъ его гротескъ, съ прищипомъ: „Als der Grossvater die Grossmutter nahm“ („когда дѣдушка подхватилъ бабушку“ и т. д.), и впоследствии, при учрежденныхъ въ Петербургѣ балахъ и маскаралахъ, этотъ танецъ игралъ большую роль.

и въ Нѣмецкой Слободѣ. Послѣ дня, проведеннаго въ трудѣ, собирались вечеромъ повеселиться, и даже старшии и старухи не отказывались, въ заключеніе, протанцовать, вмѣстѣ съ молодежью, гротфатеръ, сопровождаемый извѣстною пѣснію. Всѣ семейные праздники, крестины, свадьбы, дни рожденій, праздновались, такимъ образомъ, при общемъ участіи друзей и знакомыхъ обоаго пола. Свадебныя празднества продолжались нерѣдко по три дня, однако разгулъ никогда не доходилъ до такого предѣла, чтобы генералъ Гордонъ, послѣ участія въ подобномъ пиру, имѣлъ поводъ внести въ свой «Дневникъ»: «послѣ вчерашняго вечера я чувствовалъ себя не хорошо», или: «пито было много, неумѣренно», что иногда случалось ему отмѣчать послѣ пирушки у бояръ, гдѣ его угощали водкою. Въ Нѣмецкой Слободѣ подчивали гостей виноградными винами, и хотя многихъ жителей ея нельзя было назвать идеалами воздержности, но до такъ называемаго «положенія ризъ» дѣло не доходило.

Въ 1690 году генералъ Гордонъ писалъ своему сыну, находившемуся въ Варшавѣ, чтобы онъ не пріѣзжалъ въ Москву, для поступленія въ царскую службу, и прибавлялъ: «Потому что, какъ я часто вамъ говорилъ, тамъ, гдѣ иноземецъ неволенъ вступать въ бракъ съ дѣвицею изъ природныхъ жителей, и не допускается въ выгоднымъ мѣстамъ и почетнымъ должностямъ, такъ нельзя рассчитывать на особенное счастье. Высокіе чины или титулы я не признаю счастьемъ, ибо они только въ тягость безъ соразмѣрнаго и достаточнаго жалованья (*). Такъ какъ Гордонъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду только военную службу, то изъ письма его можно получить понятіе объ экономическомъ положеніи иноземныхъ офицеровъ. Оно, какъ извѣстно, не было блистательно, не обезпечивало вполне жизни и ни въ какомъ случаѣ не давало возможности скопить лишнюю копѣйку. Если бы жизненные припасы не были тогда чрезвычайно дешевы, то жалованья не ставало бы и на самыя необходимыя потребности, потому что даже оберъ-офицеръ—капитанъ, на примѣръ—получавшій 60 рублей въ годъ, почти былъ обязанъ жить женатымъ семьяниномъ. А если вспомнить, что жалованье выдавалось малоцѣнною монетою и мѣховыми вещами, да и то послѣ слѣшкомъ полугодоваго ожиданія, то положеніе иноземныхъ ратныхъ людей должно признать весьма шаткимъ, такъ что даже генералъ Гордонъ неравъ старался оставить русскую службу. По этимъ причинамъ и по случаю государственныхъ переворотовъ, происходившихъ

(*) Показаніе Гордона невярно: иноземецъ могъ жениться на русской, если обращался въ православную вѣру.

въ Россіи въ девятомъ десятилѣтіи истекающаго столѣтія и возбуждавшихъ большое вниманіе на западѣ Европы, въ Москву пріѣзжали немногіе чужеземцы, и теперь корпусъ офицеровъ состоялъ — не считая оставшихся отъ царствованія царя Алексѣя генераловъ Цейга, Траурерихта, Гордона и Менезеса — отчасти изъ прибывшихъ позднѣе, отчасти изъ сыновей и родственниковъ тѣхъ, которые водворялись въ Россіи при началѣ царствованія отца Петра. Въ первомъ принадлежали: Георгій Лима, Францъ Лефортъ, графъ Уэльямъ Грахамъ, Рудольфъ Страсбургъ, Георгій Менгденъ, де Лозье, Роонеръ, Русвортъ; въ послѣднихъ: Крауфорды, Болгованы, Цейгъ младшій, Брюсъ младшій, Адамъ Вейде, Іоганнъ Шамберсъ. Всѣ они служили въ солдатскихъ рейтарскихъ и драгунскихъ полкахъ.

Если въ этомъ кружкѣ иноземцевъ, имена которыхъ, за исключеніемъ генерала Патрика Гордона, рѣдко встрѣчаются въ исторіи Петра Великаго, или и вовсе не упоминаются, выступаетъ на первый планъ личность Лефорта, имя котораго завѣщено отдаленному потомству, то естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же особенно отличался онъ, чѣмъ заслужилъ страницу во всемірной исторіи? Былъ ли онъ великимъ полководцемъ или адмираломъ, замѣчательнымъ законодателемъ и администраторомъ или дипломатомъ? Ни тѣмъ, ни другимъ Францъ Яковлевичъ не былъ; но онъ былъ способенъ принять дѣятельное участіе во всемірно-исторической работѣ, задуманной гениальнымъ монархомъ. Не о творческихъ дѣлахъ Лефорта должна идти рѣчь, но о его личномъ сотрудничествѣ при возникновеніи тѣхъ плановъ, которые таились въ умѣ будущаго преобразователя Россіи. Послѣ военныхъ упражненій на плацу и послѣ занятій въ артиллерійской лабораторіи, Петръ чувствовалъ потребность имѣть при себѣ постоянно человѣка, который могъ бы отвѣчать ему на занимавшіе его многосторонніе вопросы. До сихъ поръ онъ долженъ былъ ѣздить въ Нѣмецкую Слободу за такими отвѣтами и поясненіями; теперь онъ рѣшился взять себѣ изъ тамошнихъ жителей дѣятельнаго и вѣрнаго совѣтника. Петру нуженъ былъ человѣкъ образованный, свѣдущій, опытный, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладалъ бы гибкостью ума и тѣла, свѣжимъ, веселымъ характеромъ и трудолюбіемъ, чтобы слѣдовать за нимъ на всѣхъ путяхъ.

Такого человѣка Петръ нашелъ въ Лефортѣ.

(Продолженіе будетъ.)